Автор: Лукьянов О. (Россия)

«Действительный Человек живет между провозглашенным будущим и возрожденным прошлым».□□□ (О. Розеншток-Хюсси)

Данная статья представляет собой часть исследования, построенного на предположении, что такие популярные в нашем сознании транспозиции, как «современность» и «своевременность» не являются сами собой возникающими событиями, обстоятельствами или априорными данностями, а обеспечиваются или не обеспечивается акцентуированным экзистенциальным усилием человека, т.е. являются аспектом социально согласованного экзистирования. Мы предполагаем, что события не просто существуют как современные и своевременные, а становятся ими или не становятся. Люди, экзистируя, занимают решающую позицию по отношению к возможностям становления современности. Своим экзистенциальным решением они либо способствуют, либо препятствуют становлению современности и своевременности события. Бывает, что люди отстраняются от осознания этого уровня своего бытия, но совсем избежать ответственности за согласованность времен невозможно, в некотором смысле современность и своевременность все равно формируется, даже если сам человек решает отсутствовать в этом процессе. Отсутствие человека в процессе становления современности может быть названо неготовностью быть, или недостаточной готовностью быть. Недостаточность готовности быть — это недоступность для человека способов заботы о настоящем. Не готовый быть человек не присутствует в настоящем по причине недостаточности собственного экзистенциального усилия, призванного согласовывать времена. Точнее, человек неаутентично присутствует в настоящем, подобно тому, как присутствует на экзамене студент, не готовый его сдавать, спортсмен, не подготовившийся к старту, музыкант, вышедший на сцену без достаточной подготовки и т.д. В этих случаях времена жизни распадаются на отдельные, несовместимые аспекты.

Получается множество возможных или свершившихся позиций, точек зрения, ориентаций, идентичностей, но нет их созвучия и согласия в переживаемом периоде.

Лично мне предположение о транстемпоральности опыта озабоченности настоящим внушает надежду сбыться в наступившей сегодня рациональной «слепоте». Томский исследователь Максим Шульмин в своей работе о преодолении кризиса людьми, потерявшими зрение, приводит случаи, когда человек, потерявший способность к визуальному восприятию окружающего мира, открывал для себя возможность видеть нечто большее, возможность быть состоявшимся в жизни, вновь овладеть своим настоящим. Этот переход не происходит сам по себе, он не случаен и требует особого времени. Психологическое исследование — это тоже особенное время перехода от

неспособности видеть окружающее к способности видеть свое и общее.

Мужчина, 21 год: «Я каждый раз вспоминаю, кем я был до потери зрения; у меня были друзья, развлечения, планы на будущее, интересная работа. А теперь я не представляю, кто я, что я могу, где мое место в жизни».

Но место человека всегда в настоящем, я есть там, где есть сейчас. Есть ли настоящее время в таком переживании и как заботиться о настоящем, если его нет?

Преодолевший этот рубеж мужчина 25-ти лет говорит: «Я раньше постоянно отсчитывал, сколько времени прошло с того дня, когда я ослеп. Этот день символизировал для меня начало моих страданий и борьбы за достойную меня жизнь. Со временем я перестал считать дни, месяцы, годы. Я сейчас даже и не вспомню навскидку, сколько времени прошло. Я настолько занят делами сегодня, что мне не остается времени постоянно вести календарь жизненных трагедий. Хм-м-м... сказал — трагедий... Раньше я действительно относился к наступлению слепоты как к трагедии всей моей жизни, сегодня я переживаю это как возможность для меня стать самим собой».

М. Шульмин пишет: «Для понимания важно знать время наступления слепоты, для человека оказывается значимым, готов ли он духовно пережить, осознать свои переживания относительно потери зрения и принять их как собственные. Готов ли он освободиться от тяжести потерянной внешней (объективной) реальности, чтобы начать жить по-новому. От такой готовности во многом будет зависеть быстрота течения жизни человека в кризисе». И далее: «Интересно, но дети, теряющие зрение, переживают потерю зрения с меньшими последствиями для себя, чем взрослые.

Девушка 23 лет говорит: «Мне всегда становится жалко тех ребят, которые потеряли зрение уже в юности. Я сама ослепла в три года, даже и не помню, чтобы я сильно страдала от этого. А когда в разговоре кто-нибудь из новеньких начинает с надрывом рассказывать о своей жизни, когда он был зрячим, и вот теперь он стал слепым, и мне становится его жалко».

Но и взрослым удается соединить несоединимое: потерю и приобретение.

Мужчина, 24 года: «Я не помню, но в какой-то момент времени я перестал воспринимать себя слепым инвалидом. Моя жизнь настолько наполнена различными делами: и работа, и семья, и отдых с близкими мне людьми. Этот ритм, который я выбрал, дает мне переживание вкуса жизни, и я счастлив».

Как же это происходит? Как человек становится, сбывается в своей жизни?

Смысл и специфика психологической практики в различных социальных контекстах — психотерапии, образования, самоорганизации, социальной регуляции и социального творчества, — состоит в одухотворении форм совместного человеческого труда, в одухотворении событий жизни. Технический аспект одухотворения может очень

по-разному интерпретироваться, и мы нуждается в теоретических предположениях о технике одухотворения, несмотря на всю неполноценность таких теорий. Мы предполагаем, что техника одухотворения и собственно психологическая практика состоит в переводе человеческого сознания в некоторое место, в экзистенциальный центр, из которого становится доступно восприятие ситуации, становящейся современной и своевременной силой экзистенциального решения. Достижение этого места — экзистенциального центра, переживаемого как жизненное пространство, в свою очередь, делает возможным аутентичную практику, упорядочивающую экзистенцию.

«Приводить в порядок нужно всегда настоящее. Что толку обсуждать качество наследства? Ты не можешь предвидеть будущего, ты можешь позволить ему быть» (Экзюпери, 2003, с. 567).

Между «джунглями психологической практики» и «офисным центром психологической науки» лежит «пустыня реальности»; в ней люди пытаются планомерно обустроить свое будущее, прошлое и настоящее; в ней люди преодолевают подъемы, бури, битвы, пожары и прочие стихийные бедствия, а также стихийные блага на пути своего становления. Своевременность психологической практики определяется необходимостью усилия достижения уникального результата. Своевременность психологического исследования определяется усилием достижения универсального обобщенного представления. В психологическом исследовании уместной для изложения частью является лишь то, что опосредуется предметом, объективацией. В психологической практике конституируется форма становления бытия, осуществляются встречи, устанавливаются дистанции, достигается большая открытость человека его собственному бытию.

На сегодняшнем этапе развития науки, опирающейся на принципы эмпиризма, рационализма и прагматизма (Дорфман, 2003), предметами научного исследования выступают поведение, опыт, сознание (или их отдельные аспекты, выделение и комбинирование которых обосновано целями исследования, условиями и возможностями). Теоретические исследования утверждают, что предметы мышления, их смысл и интерпретация неразрывно связаны с формой времени и современности. В зависимости от того, чему и кому мы становимся современниками в переживаемой ситуации, опыт, поведение и сознание приобретают определенный градиент их редукционистской трансформации и конституируют определенную темпоральность — фиксируемую длительность бытия смысла, значения, предмета и других атрибутов реальности. В конституированном времени мышление и его результаты становится убедительными. Если время не обрело свою форму, то понимание не может состояться. В этом случае события и люди, связанные в отдельных «плоскостях» бытия, например находящиеся в одном месте и хронологически в одном моменте времени, могут быть разновременниками, они психологически будут в разных временах и разных пространствах, так как их экзистенции не будут согласованы, а экзистенциальные времена не будут симфонизированы.

Осуществляя психологическое исследование и психологическую практику, мы

можем находиться на разных уровнях темпоральной полноты. Мы можем осуществлять свое бытие на основании бытия во времени, на основании бытия в собственном времени, на основании бытия в современности, на основании бытия в становлении конкретной живой современности. Для обозначения последнего уровня экзистенциальной основательности мы и вводим понятие транстемпоральности — условия становления современности экзистенциального опыта, направленной целостности длительностей (периодов, переходов от начала к концу начавшегося) и остановок (истечений, переходов от конца к новому началу).

В психологическом исследовании и психологической практике транстемпоральность, предполагаемая в качестве онтологического основания и формы предсуществования жизненного мира, позволяет прослеживать процессы становления форм экзистенциального опыта, что, в свою очередь, позволяет прослеживать процессы становления личностного, социального и других видов опыта. Такая вложенность уровней становления опыта делает более точной, уместной и своевременной психологическую интерпретацию реальности как реальности становления, способствуя формированию в нас большей силы в отношении неизбежных трудностей человеческого существования.

«Путник идет по земле, сбивает о камни ноги, кровавится о шипы, карабкаясь по склону. Ему выданы все трудности восхождения, и он должен преодолеть их одну за другой. Он создает воду напряжением собственного тела: мускулами, мозолями на ладонях, ранами на ногах. Вмешавшись в разброд противящейся действительности, он силой своих собственных рук выжимает воду из камней пустыни. Пекарь так месит тесто, он чувствует, как оно уплотнилось, противясь усилиям его рук, сбилось в тугой ком, который он должен разминать и разминать, но этот ком говорит: хлеб будет. Точно так же работает поэт и ваятель; как свободны они перед наплывающими строками, перед глыбой мрамора, они могут все — создать трагедию или комедию, наклонить голову вправо или влево, но до тех пор, пока у них столько возможностей, ничего не рождается. Но вот рыбка клюнула, удочка согнулась дугой. Ты не можешь сказать то, что тебе хотелось бы: поставленное слово мешает новому, но ты не хочешь вычеркнуть первое, оно тоже важно, а оба вместе не даются тебе в руки. Ты тасуешь слова то так, то этак, ты месишь глину, стараясь поймать улыбку, которая от тебя убегает. Не логика тебе в помощь, она отсечет одно в пользу другого, ты ищешь ключ свода, он объединит твои противоречивые истины, ибо ни одна из них не должна потеряться, и вдруг чувствуешь: стихотворение вот-вот появится, мрамор вот-вот улыбнется, потому что тебя стеснили возлюбленные враги.

Никогда не слушайся тех, кто, желая тебе помочь, советует отбросить хоть одно из твоих исканий. Ты угадаешь свое призвание по той неотвязности, с какой оно тебе сопутствует. Предать его — значит покалечить себя, но знай: твоя правда будет обозначаться очень медленно, ее не сведешь к внезапно найденной формуле, она будет вырастать, как дерево, и работать на нее будет только время. А ты? Тебе надо сбыться, подняться вверх по крутому склону. Рожденная дробным миром целостность, которую ты обретешь, будет не разгадкой ребуса, а преодолением противоречий и исцелением кровоточащих ран. Обретая эту целостность, ты ощутишь и ее могущество. Вот почему я

так настаиваю, чтобы ты почитал тишину и неспешность — богов, о которых успели позабыть» (Экзюпери, 2003, с. 568).

В психологическом исследовании «крутой подъем», который необходимо преодолеть для того, чтобы сбыться, состоит, кроме всего прочего, из уже существующих и «окаменевших» предположений. Оттого что эти предположения стали «каменными», они не стали менее реальными или достойными пренебрежения, их каменность обусловлена их неизменяемостью, окончательной оформленностью.

Эти предположения участвуют в становлении бытия, утверждая форму существования, но препятствуя становлению новой формы, не сдаваясь без достаточных усилий, служа в качестве материала. Мы должны подниматься, опираясь на принципы эмпирической науки, но не они цель и смысл нашего исследования. Они были смыслами и целями в уже закончившихся и сбывшихся исследованиях. Наша задача состоит в прохождении собственного, но не изолированного, а современного пути.

Принципы эмпирической науки соответствуют определенным социально конвенциализированным представлениям о времени. Одной из характеристик этих представлений является предположение, что время — внешняя рамка бытия и форма упорядочивания пространства, что время есть, что мы всегда имеем какое-нибудь конкретное время, подобно тому как имеем конкретное расположение в пространстве. На время можно взглянуть с разных сторон, и от этого представление несколько изменяется, но само по себе время остается внешней формой бытия и способом упорядочивания пространства (собственное время системы, космическое время, психологическое время, социальное время, свободное время и т.д.; в науке время всегда измеряемо и его форма является продуктом редукции). Время эмпирической науки — это почти всегда время «или-или» и лишь иногда «и-и» — в периоды революций и фундаментальных прорывов. Психологическая практика — не лабораторная работа и не выступление на ученом совете, психологическая практика — это собственно время психологической практики. В нем соединяются различные времена и порядки времен. В психологической практике время активно создается, добавляется, умножается, трансформируется и т.д. Как это происходит и каким образом мы можем это понимать? Можно ли изучать психологическую практику как объект научного исследования? Можно ли построить психологическое исследование как попытку понять не только то, что есть, но и то, чем наше бытие может стать?

Данное теоретическое (возможно, литературно-художественное) исследование было предпринято после многолетней практики в области психотерапии, образования, феноменологических исследований. Были изучены феномены растерянности, скуки, лени, кризисов идентичности, переживаний жизненной пустоты, отчуждения, бессмысленного страдания и другие. И эти исследования показали, что не лишен смысла взгляд на многие психологические проблемы как на недостаточность особого рода экзистенциального усилия, как на экзистенциальное недомогание в отношении установления современности и своевременности, как на проблему человеческой готовности приводить в порядок настоящее (заметим, что настоящим мы называем не только то, что есть «здесь и теперь», но и то, что возникает «с нами», т.е. имеется в

виду настоящее не только как бытие, но и как становление конкретного бытия).

Исследования существенно повлияли на мою жизнь и мою практику, но пока не обрели формы, принятой в научном сообществе. Пока проблема условий становления современности является для меня уточняющимся вопросом, и написание этой работы создает время переживания случившейся со мной экзистенциальной «слепоты».

М. Мамардашвили говорил, что жизнь есть усилие во времени. Для философской и — шире — эстетической практики, которая есть «мужество прожить мысль до конца», такая формулировка вполне достаточна, но для экзистенциально-прагматического понимания и для своевременного, социально согласованного формального осуществления задачи не только быть, но и сбываться, необходимо понимание жизни как в категориях времени, так и в категориях соответствия и полноты времен (Розеншток-Хюсси, 2000). При этом главной задачей является обеспечение возможности построения формальной практики. Каким образом мы можем прожить до конца свою жизнь сейчас, когда на самом деле она длится, будет длиться, изменяться и трансформироваться?

В науке новейшей истории время выглядит не однородным, не сплошным и не единственным. Физика, например, говорит о первичности времени, но при этом доказывает и обратное: время — частность, производная от целого, функция восприятия события. Имеет место некоторая первичная сложность — тайна жизни, из которой время и рождается, а в рожденном времени существует все — и сознание, и опыт. Поскольку тайну нельзя до конца открыть, то иногда говорят, что время порождается пространством другого уровня. В качестве «высших» уровней обращаются к субъективным аспектам восприятия.

Даже естественные науки сегодня не рассматривают время как объективный аспект жизни, а требуют учитывать участие субъективности в определенности временного масштаба, временного порядка, временной согласованности, временного характера, духа времени и т.п. Простые формы времени понимаются как следствия сложных форм, соответственно, социально-психологические практики, особенно практики исследовательские, образовывающие и усложняющие структуры бытия, предполагают усложнение форм пребывания во времени, т.е. приближение к онтологическим основаниям, к динамике самоорганизации и к еще более фундаментальным динамикам. Современная новейшая наука, отрицая свою религиозность, тем не менее претендует на свое соответствие уровням вечности — сверхвременной реальности, реальности иного, еще не осуществленного, универсума.

Пребывание человека в его собственном времени жизни все более осознается и все более усложняется прогрессом психологии смысла. Условием возможности смысла жизни является целостность времени. Горизонты будущего, прошлого и настоящего переживаются в своем единстве и делают возможным смысл и его постижение. Но что является условием возможности самой целостности времен? Или иначе: как возможно способствовать смысложизненному благополучию? Вероятно, на такой вопрос не может быть исчерпывающего ответа. Возможен ответ направляющий, ответ в форме

своевременного вопроса, ответ, открывающий человеческое бытие.

Целостность времени жизни как целостность горизонтов прошлого, настоящего, будущего обусловлена отношением временных порядков, временной вертикали. Жизнь человека воплощает историю вида, исчисляемую эпохами, историю рода, исчисляемую веками, историю группы, исчисляемую событиями, историю дел, исчисляемую результатами, истории отдельных частей тела, клеток, молекул и т.д. Каждая часть человека связана со своим масштабом времени, своим исчислением, и нельзя учитывать сразу все временные уровни, — но нельзя видеть и только один отдельный масштаб времени. И в том, и в другом случае теряется момент аутентичности решения быть. Какие уровни необходимо учитывать и сочетать в конкретном опыте? Как это делать и как выбирать необходимое, откладывая лишнее? Для этого приходится иметь в виду не только темпоральные (длительностные) характеристики экзистенции, но и транстемпоральные — характеристики мира длительностей.

Традиционным является рассмотрение моментов времени в их отношении к некоторой длительности. Для увеличения открытости экзистенциальному опыту необходимо рассматривать и длительности в отношении к временной полноте. Вопрос «как помочь человеку быть?» необходимо дополнить вопросом «как помочь человеку сбываться?»

Понятие транстемпоральности не имеет широкого распространения в психологии, хотя встречается сегодня в различных сферах науки — в физике, нейрохирургии, антропологии, а так же в популярной и фантастической литературе. Чаще всего это понятие используется тогда, когда речь идет об особых специфических состояниях, связывающих процессы различных временных масштабов, например связь поколений в ритуале или событии, связь веков в осознании смысла жизни, связь процедур, которые невозможно выполнить в одном периоде времени, спонтанные воспоминания без видимой линии логики и проч.

Мы используем понятие транстемпоральности несколько иначе: не для описания специфики состояний, а для описания специфики соответствий, для описания специфики условий и возможностей — того, что необходимо человеку для выполнения временных обязанностей, для осуществления выбора тенденции совместности.

Транстемпоральность — это условие становления современности и своевременности, ход жизни, конституирующий форму временной целостности.

Благодаря категоризации этого условия мы можем концептуально представлять психологическую практику, помогающую справляться с экзистенциальными недомоганиями в отношении интенсивностных аспектов человеческого существования, помогать человеку достичь состояния готовности привести в порядок свое настоящее.

Утверждаемый в этой статье практический тезис звучит так: стремясь привести какую-либо социальную систему в желаемое состояние, необходимо самому находится в этом состоянии уже сейчас и всегда. Это парадоксальная задача для реализации

человека, самостоятельное, но не индивидуальное усилие, осуществляемое на уровне условий возможности смысла своевременности и современности.

Будучи временными существами, мы обречены понимать и реализовывать этот тезис как направленность своей собственной жизни, и поэтому он является новым и важным для всех тех, кто решает принять жизнь как усилие во времени и задумывается над тем, как это сделать тому, кто решил быть готовым к встрече со свободой быть началом, продолжением и концом событий собственной жизни.

«Утраченное могущество невозвратимо. Мое царство никого больше не вдохновляет. Прекрасные картины умирают, как деревья. Истощив возможность завораживать, они превращаются в пепел и удобряют другие деревья. Я отошел в сторону, желая поразмыслить над новой загадкой. Да, видно, не существует в мире большей или меньшей подлинности. Существует большая или меньшая действенность. Я выпустил из рук волшебный узел, когда-то сливший дробный мир воедино. Узел ускользнул от меня и развязался. Теперь мое царство распадается будто само по себе. Но если буря обламывает ветки кедра, если суховей иссушает его древесину, если пустыня одолевает кедр, то не потому, что песок стал сильнее, — потому, что кедр перестал сопротивляться и распахнул ворота варварам» (Экзюпери, 2003, с. 485).

Условие готовности быть

Готовность — удивительный феномен, связывающий времена. Готовность одновременно и уже есть, и возможно есть, и хочется верить, что есть, и всегда есть. Недостаток готовности выражает некоторую неполноту времен, недостаточность сбывшегося существования: сейчас не готов, пока не готов, еще готовлюсь и т.д. Готовность может быть у спортсмена на старте, у кулинарного блюда, у умирающего человека. Быть — это становиться кем-то, быть самим собой — это становиться не кем попало, а тем, кем собирался стать, сбываться, при том что наступившее может быть и неожиданным. Готовность может иметь смысл только для того, кто уже есть, но есть еще не до конца, кто еще должен становиться каким-то собой, сбываться. Готовность нанести упреждающий удар может быть только у опытного воина, который сам не собирается нападать, не может гарантировать своей победы, но готов становиться победителем, если придется. Удар упреждающий, но не первый. Хронологически такой удар произойдет раньше первого удара, а готовность нанести упреждающий удар появится позже многих полученных ударов. Готовому победить сама по себе победа не нужна, лучше бы и не пришлось драться совсем, но готовность необходима. Готовность быть — это жизнь, связывающая времена не только горизонтально, когда будущее определяет настоящее и прошлое, а также наоборот, но и вертикально, когда то, что будет уже сейчас, есть и уже раньше было, когда отношение к настоящему открывает смысл и будущего, и прошлого. Поймет истину тот, кто готов понять, выздоровеет тот, кто готов быть здоровым, начнет и закончит тот, кто готов действовать, спасется тот, кто идет по пути спасения, «дорогу осилит идущий».

Социально-психологические практики во всем своем многообразии имеют общий временной смысл, они обеспечивают готовность быть, помогают сбываться. Меняются

цели, объекты, субъекты и масштабы, но остается смысл обеспечения связи времен, обеспечения условий возникновения порядка человеческого взаимодействия, совместности — готовности быть. Быть — это значит соответствовать смыслам жизни, становиться собой таким, каким и должен, и решил. Быть готовым — то же самое, только в соответствии времен, в транстемпоральности, в современности.

Целостность во многих современных теориях выступает в качестве желаемого состояния, в качестве цели, но мы исходим из смыслового соответствия, а это значит — исходим из целостности, которая есть. Целостность, которая есть, а не может быть, не будет, не была, оформляется в наше время экономикой — наукой о закономерностях взаимодействия (это, впрочем, не значит, что всякий «экономист» действительно отвечает главной цели науки — экономике). Экономика диктует условия практического смыслового соответствия. (Одно из определений экономики — наука о ненасильственных способах принуждения людей к труду. Психологию можно определить как экономику душевного труда, как науку о способах ненасильственного принуждения людей к своевременному и современному душевному труду.)

Экономика сегодня должна была бы быть самой современной наукой — кроме всего прочего, еще и потому, что внимательнее других наук смотрит на проблему пребывания во времени. В экономике основной единицей мышления становится время. В отношении значимости времени жизни смыслы экономики и психологии согласовываются в единое звучание жизнедеятельностных перспектив, в трансспективу.

Местом этого согласования, конечно же, является деятельность, но не индивидуальная, не коллективная, не предметная. Эта деятельность имеет специфический характер, который формируется в соответствии усилий пребывания во временах. Это деятельность и предметная, ориентированная на результат, и одновременно функциональная, ориентированная на процесс; это деятельность соответствования временам.

Процесс и предмет в ней соединяются устанавливающимся временем, телом времени.

«Ветер слов — тщета, я всегда презирал его. Я не верю в пользу словесных ухищрений. И когда мои генералы, дотошные и недалекие, говорят мне: «Народ возмущен, но вот какой фокус мы предлагаем...» — я гоню их прочь.

На словах можно фокусничать как угодно, но что создашь с помощью фокусов? Что ты делаешь, то и получаешь, только то, над чем трудишься, ничуть не больше. И если, добиваясь одного, твердишь, что стремишься к другому, прямо противоположному, то только дурак сочтет тебя ловкачом. Осуществится то, к чему ты стремился делом. Над чем работаешь, то и создаешь. Даже если работаешь ради уничтожения чего-то. Объявив войну, я создаю врагов. Выковываю их и ожесточаю. И напрасно я стану уверять, что сегодняшнее насилие создаст свободу завтра, — я внедряю только насилие. С жизнью не слукавишь. Не обманешь дерево, оно потянется туда, куда его направят. Прочее — ветер слов.

И если мне кажется, что я жертвую вот этим поколением во имя счастья последующих, я просто-напросто жертвую людьми. Не этими и не теми, а всеми разом. Всех людей я обрекаю на злосчастье. Прочее — ветер слов.

И если я воюю во имя мира, я укрепляю войну. С помощью войны не установить мира. Довериться миру, который держится на оружии, и разоружиться — значит погибнуть. Я могу установить мир только с помощью мира. Иными словами, готовностью принимать и вбирать, желанием, чтобы каждый человек обрел в моем царстве воплощение своей мечты.

Люди любят одно и то же, но каждый по-своему. Несовершенство языка отторгает людей друг от друга, а желания их одинаковы. Я никогда не встречал людей, любящих беспорядки, подлость и нищету. Во всех концах Вселенной люди мечтают об одном и том же, но пути созидания у каждого свои. Один верит, что человек расцветет на свободе, другой — что человек возвеличится благодаря принуждению, но оба они мечтают о величии человека. Этот верит во всеобъединяющее милосердие, тот презирает его, видя в нем потакание зловонным язвам, и понуждает людей строить башню, чтобы они почувствовали необходимость друг в друге, но оба они пекутся о любви? Один верит, что важнее всего благоденствие: избавленный от забот и тягот человек будет развивать ум, думать о душе и сердце. Другой не верит, что совершенство души зависит от пищи и досуга, считая, что душа возрастает, неустанно даря себя. Он считает прекрасным лишь тот храм, который стоит многих усилий и возводится из бескорыстного угождения Господу. Но оба они хотят облагородить сердце, душу и ум. И все по-своему правы: кого облагородят рабство, жестокость и отупение от тяжких трудов? Но не облагородят и распущенность, расхлябанность, потакание гниющим язвам и мелочная суета, рожденная желанием хоть как-то занять себя.

Но смотри, люди уже взяли в руки оружие, чтобы защитить общую для всех любовь, которую эфемерные слова сделали такой различной. Идет война, идет поиск, борьба, и пусть беспорядочно, но люди все-таки движутся в направлении, которое так властно управляет ими, они похожи на дерево, о котором пел мой поэт: слепое, оно оплетало стены своей темницы, пока не вышибло наконец чердачное окно и, прямое и торжествующее, не потянулось к солнцу» (Экзюпери, 2003, с. 495).

Современную экономическую ситуацию породила цепь революций, цепь событий глобального гуманитарного масштаба, смысл которых был в переломе тенденций течения жизни, в прерывании времен. Мы живем не в традициях, а скорее в цепях революций. Конечно, в большей степени это касается ученых, поэтов, политиков, тех, кто чувствует и создает трагизм пребывания во времени. В меньшей степени этот контекст нашего бытия осознает обыватель — человек, имеющий твердую и устойчивую концепцию способов пребывания в мире. Но это не значит, что его действительности революции не касаются, так же как основные парадоксы жизни — абсурд, конечность, тревога, свобода. В некоторых аспектах совместности, таких как болезни, воспитание, образование, право, экономическое благополучие, даже обыватель является центром свидетельства трагедии революций, распада связи времен. В науке же революции вполне официально случаются, ожидаются, прогнозируются и изучаются. Трудно даже

представить себе форму научного вклада, не представляющую собой хоть маленькую, но революцию.

Современный человек как существо, живущее в поле напряжения множества миров (физического, личностного, социального, духовного), обладает специфическими обязанностями по согласованию бытия в этом множестве миров, обязанностями быть одновременно везде, конкретно действуя в одном. В традиционном обществе обычный ужин был соответствием смысла жизни в физическом, социальном, личностном и духовном мире. Традиции рассыпались и «перемешались», экономика взяла на себя функцию объединения миров. Но экономика, кроме основания бытия, еще и дело рук человека, а значит — неживое, продукт, а не плод, конечное, мертвое. При таком социально-психологическом значении экономики, как сегодня, обязанность пребывания в соответствии времен превращается и в обязанность согласования пребывания во временах.

Активное создание времени жизни — фундаментальная социально-психологическая практика смысложизненного соответствия

Психологическая, социально-психологическая, образовательная практика сегодня, после периода постмодернизма, постнеклассической науки, представляется нам как широкое поле парадоксов, возможностей, выборов, но прежде всего — выбранных когда-то и кем-то соответствий. Недаром ответственность занимает такое большое место в современных концепциях социально-психологической реальности, особенно у представителей диалогического подхода. Ответственность является базовым свойством методологического соответствия социально-психологической практики, обеспечивая главное условие взаимодействия — диалог, усложняющий формы жизни, диалогическое усложнение жизни. В связи с этим соответствие времен есть основной принцип проявления практической стороны социального бытия человека в различных масштабах, от неорганического до духовного. Динамика соответствий — это современный уровень изучения социально-психологических практик, их смысловой и временной аспект.

Современность в нашем случае в буквальном смысле означает соответствие времен. Из всех возможных и важных соответствий предельным в своей динамике является соответствие смысловых полей, времен, смыслов жизни. Эти соответствия предельны именно в их динамике, так как в статике они как раз беспредельны и неопределимы. Смысл или есть, или нет, время или есть, или нет, смысл жизни есть, даже если его на самом деле нет. Пределы и порядки соответствия времен динамичны, но реальны, действительны и действенны. Психологическая практика существует не в сущностях и не в законах, а в соответствиях смысловых полей и смыслов жизни. Именно это соответствие мы ощущаем как пребывание во времени, или время-бытие, и нуждаемся в еще более реальном и действенном соответствии — ответе вечности.

Ключевой областью психологической практики как отдельного человека, так и человеческих сообществ является активное создание времени жизни, а если точнее, то активное утверждение соответствия смыслов жизни, позволяющих нам воспринимать время как некоторую адекватную концепцию, быть во времени, путешествуя во

временах. Творчество смысложизненных соответствий или, по крайней мере, выбор форм собственного бытия во времени необходимы человеку для того, чтобы чувствовать себя живым.

Но важно принять и обратную сторону действительности времени-бытия — не только творческую, но и бытийную. Имея возможность отчасти создавать времена и даже симфонии времен, определяя соответствия смыслов жизни, мы не можем избежать пребывания во времени. Мы ничего не можем сделать с неизбежностью своего пребывания во времени. Время нашей жизни при всей бесконечности наших усилий истекает, что бы мы ни решали, а жизнь при этом проходит, наши действия всегда недостаточны.

«Боже мой, что за бесконечность ты предлагаешь нам? Я бы определил ее как «внутреннюю», сокрытую в нас самих.

Честное слово, странно, что мы не можем исчерпать наш вид, что я никогда не смогу познакомиться со всеми (как же далек я от этого!), что не смогу сказать: вот и все, всех я уже повидал, больше никого не осталось.

Постоянно сталкиваться с новым вариантом человека, с новой, отличной в каждом новом человеческом экземпляре, человечностью и знать, что этим вариантам несть числа, что мы заряжены бесконечностью других возможных комбинаций и что нет такого человека, который не был бы возможен в ближайшей или более отдаленной перспективе... Опрокинутая вовнутрь бездна! Она снимает узду с фантазии! Ниспровергает все нормы — психологические, моральные и прочие. Создается впечатление, что нас наполняет не дух, а заговор сплетающихся тел, создающих новый вариант» (Гомбрович, 1998).

Мы на самом деле во времени. Время для нас — безусловная данность. Было бы легче разделить время на объективное и субъективное, на время-часы и время-бытие, на время, которое мы творим, и время, которое только воспринимаем. Но на уровне современной психологии, методологии и даже физики, после феноменологии, герменевтики, экзистенциального анализа и действенных исследований такое разделение недостаточно. Разделение времен осуществляется, это привычная для нас практика, и именно она лежит в основе инструментального творчества, в основе так называемой креативности, но действительность, бытийность требует не разделять, а соединять, соответствовать. Детализация времени — первый шаг в понимании ситуации, но необходим и второй шаг — приведение времен в соответствие.

Мы и творим время, и пребываем в нем одновременно. То есть живем в более сложном временном измерении, чем просто измерение длительности периодов времени, мы живем во времени времен. В этом измерении мы не можем считать смысл жизни предметом или объектом исследования, мышления, практики. Мы должны признать, что не мы опредмечиваем смысл жизни, а напротив, смысл жизни опредмечивает нас, не мы имеем время, а время имеет нас, не психологическая практика является предметом нашей заботы, а мы являемся предметом заботы в социальной и психологической

практике. Не мы испытываем потребность в смысле жизни, а наш смысл жизни испытывает потребность в нас. Желаемое состояние является не целью, а условием практической реализации наполненной смыслом жизни.

И в то же время именно мы говорим о смысле жизни как о предмете, именно мы определяем смысл времен и смысл временного соответствия как целесообразность, именно мы предполагаем и полагаем социально-психологические практики. Язык говорит через нас. Парадоксальность такого положения отвечает ноосферной природе усложнения взаимодействия времен жизни. Мы живем, усложняясь в отношении времен. Это измерение экзистенции представляется нами как транстемпоральность психологических практик («транс» — время-переход, «темпоро» — время-длительность, мы живем не в «или-или», а в «и-и», в целостности длительности и переходности). Мы участвуем в становлении бытия, участвуя в становлении времени, а участвуем в становлении времени, участвуя в становлении современности. Количество времен, согласованное нашим экзистенциальным решением, становится временем нашей жизни. Мы становимся временными, становясь современными.

Психологическая практика имеет качественные и количественные характеристики, соответствующие друг другу в исполнении обязанностей пребывания во временах. «Кто и что практикует?» — качественная характеристика, а «сколько?», «до каких пор?» — количественная. Соответствие времен есть агрегатное от качеств взаимодействий состояние, состояние активационное, принимающее интенциональность бытия мира, соответствие времен — человеческое Я, но не в форме предмета, а в форме времени. Я — и количество, и качество времени.

Что можно теперь сказать о готовности быть в контексте становления человеческого в человеке, решения задачи не только быть, но и сбываться? В общем, немного. Чтобы ответить на вопрос «что и как делать?», надо ответить на вопрос «когда?» и «как долго?», «после чего?», «до каких пор?», «в каком темпе?». Для того, чтобы быть, надо сбываться; для того, чтобы сбываться, надо быть достаточно открытым становлению бытия; для того, чтобы быть достаточно открытым становлению бытия, надо быть своевременно сильным в упорядочивании настоящего; для того, чтобы быть сильным, надо подниматься по крутому склону экзистенциального труда. Можно ли выразить это в убедительной и понятной форме? Лично мне это пока не удается. Написанное вчера редко выглядит живым сегодня; видимо, надо еще больше рвения и стараний.

В заключение попытаюсь сформулировать несколько положений, обозначающих для меня транстемпоральный контекст человеческого бытия к настоящему. Пока это гипотезы. Но может быть, проверяя их, действительно удастся заботиться о настоящем, позволяющем сбыться будущему.

- У человека есть ряд экзистенциальных обязанностей.
- Готовность быть обеспечивается их выполнением.
- То, из чего состоит настоящее, представляет собой функцию от экзистенциального

решения человека о выборе формы времени, градиента интенсивности становления своего бытия.

- В процессе становления человек открывается нескольким уровням темпоральности из множества теоретически возможных.
- Не только время имеет мерность, начало, середину и конец, но сам человек решает, быть ли ему началом, серединой или концом своего конкретного становления «здесь, теперь и с нами».
- Экзистенциальный опыт — это опыт особенной интенсивности, опыт решения об открытости тишине и неспешности, заполняющих экзистенциальный вакуум, обнимающий человека в его собственном бытии, в его онтологическом одиночестве.
- Тишина и неспешность — это не свойства среды, а временная форма экзистенциальной активности. Тишина и неспешность связывают времена, раздробленные многочисленными видами человеческих активностей, узаконенных только их собственными длительностями.

«Квартира была погружена в сон, когда за полночь, с головой, идущей кругом от танцующего на водах Ла-Платы парохода, с чемоданом в руке, я пробирался в свою комнату. Спали Роберто, герр Клюг, дон Эухенио, Базилио, Арана — призраки вздохов и стонов возносились над ровным дыханием спящих. Что такое количество во сне? Спящее количество? Ты спишь, количество? Или же ты, количество, никогда не спишь?

«Нет, наше количество никогда с нами не засыпает, куда там сну сморить тварь, рожденную от суммы... оно все кружит и кружит без устали... Сидя на кровати в своей комнате, я все же спрашивал себя: беспокоить нас или успокаивать должен тот факт, что спящих было много (пятеро)? Сон одного, опаснее ли он сна нескольких человек, нескольких десятков или даже нескольких сотен? Звучит, может, и претенциозно, но не без тайного смысла. Количество по отношению к человеку, позвольте заметить, ведет себя поразительно, поскольку и умножает, и делит одновременно. Разве будет кто сомневаться, что действия пятерых, тянущих канат, в пять раз производительнее действий одного человека. Но вот что касается смерти, то здесь все наоборот. Попробуйте-ка убить сразу тысячу — и вы убедитесь, что смерть каждого из них станет в тысячу раз меньше смерти умирающего в одиночку.

Вот почему меня успокаивало сознание, что они спят и видят сны впятером: ведь тогда и я мог спокойно положить голову свою на подушку и подключиться в качестве шестого номера к их тяжелому, чуткому, блуждающему дыханию. Чем могли мне угрожать ночь и сон, если целительное Количество чутко охраняло меня, растворяя меня в себе. Точно добрая фея! Точно ангел-хранитель! Спокойной ночи! Спокойной ночи! Пора, пора кончать эти излияния души... может, и не во всем ясные. Может, путаные. Немного, может, развязные, раздерганные, рассеянные, распутные... раз... разжиженные, растворенные. В чем, собственно, дело, друзья?! Если бы и было здесь какое-нибудь интеллектуальное распутство, Количество растворит его в себе, как Оно растворяет грехи и добродетели наши. Аминь» (Гомбрович, 1998).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гомбрович В. Из «Дневника» // Новый мир. 1998. № 2. http://magazines.russ.ru/authors/g/gombrovich/

2. Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М.: Смысл, 2003.

3. Психологическая практика: проблемы и перспективы: Сб. научн. трудов / Под ред. Г.М. Кучинского. Мн.: ЕГУ, 2002.

4. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

5. Сент-Экзюпери А., де. Южный почтовый. Ночной полет. Планета людей. Военный летчик. Маленький принц. Цитадель: Спб.: Пер. с фр. М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2003.